ТЕМА ЛЮБВИ В ЛИРИКЕ Ф. И. ТЮТЧЕВА "ДЕНИСЬЕВСКИЙ ЦИКЛ"

Тищенко И. Ю.
Киевский национальный лингвистический университет

Стаття присвячена аналізу лірики Ф. І. Тютчева, в якій тема кохання займає значне місце. Розглянуто художньо-стилістичні особливості своєрідного "роману у віршах" Ф. І. Тютчева "Денисьєвського циклу". Видатний російський поет першої половини XIX століття Федір Іванович Тютчев у ліриці про кохання розкривається як психолог, філософ і тонкий лірик. У поезії кохання та філософській поезії Тютчева спільний ліричній герой, її поєднує напружений драматизм звучання.

Ключові слова: роковий, приречення, безмежність, антиномія, Хаос, Космос, доля.

The article is dedicated to Tyutchev's love lyrics. Artistic and stylistic peculiarities of his "novel in poems" "Denisievski cycle" are regarded in this article. F. I. Tyutchev, a prominent Russian poet of the first half of19th century is shown as a psychologist, philosopher and a delicate lyric poet. Love and philosophic poems of the poet are linked by a common lyric character, they have intense drama sound in common.

Key words: fateful, predetermining, boundlessness, antinomy, chaos, space, destiny.

Поэзия Ф. И. Тютчева – это особый и внутренне цельный художественный мир. Это хрустальные строки о природе, до щемящей боли в сердце стихи о любви, непревзойденный "Денисьевский цикл", философская поэзия, политические стихи, стихи "на случай". Тютчев многогранен, он неповторим.

Среди литературоведческих работ, посвященных творчеству Ф. И. Тютчева, следует отметить прежде всего работы Г. В. Чагина, Г. Чулкова, К. В. Пигарева

Тема любви в лирике Тютчева занимает особое место. В любовной лирике Тютчева важно уловить способы раскрытия в ней драматических переживаний человека. Тютчев был уверен, что без любви немыслима жизнь вообще. Поэтому любовь он считал неотъемлемым признаком подлинно человеческих отношений.

Цель статьи – проанализировать любовную лирику Ф. И. Тютчева, рассмотреть художественно-стилистические особенности "Денисьевского цикла", который по праву называют своеобразным психологическим "романом в стихах".

Любовь для Тютчева – чувство, доставляющее душевным силам высшее напряжение и высшее наслаждение. Без нее для поэта немыслимо человеческое общение вообще, и потому любовь – символ подлинно человеческого бытия, один из его сущностных признаков. Среди тютчевских стихотворений о любви есть и вполне традиционные, написанные в духе элегии, романса, а есть и совершенно особые, не похожие на любовные стихи других поэтов.

Тютчевская лирика любви больше, чем психологически точное запечатление любовных чувств. Она также философична и целиком вписывается в философскую лирику. Это потому, что любовь для Тютчева – чувство, находящееся на грани "двойного бытия", оно противоречиво и лежит между жизнью и смертью. Оно подобно таким бытийным силам, как Хаос, Ночь, Бездна, потому что внутреннее бытие человека аналогично бытию вообще: в нем есть Хаос и Космос, стихия и порядок, день и ночь, конечное и бесконечное, предел и беспредельность. Во взаимоотношениях любящих людей на другом уровне повторяются те же отношения человека со стихией. В стихотворении "Предопределение" Тютчев спорит с преданием, которое гласит, что любовь – "Союз души с душой родной". Поэт размышляет, что бывает

и так, но часто это мнение уж слишком идеально. На самом деле, по мнению Тютчева, любовь двух сердец предполагает не только союз, но и борьбу – “…роковое слиянье. / И …поединок роковой…”. Это значит, что соединяются разные индивидуальности, разные характеры, разные личности, каждый со своим неповторимым внутренним миром. И это неизбежно ведет к “поединку”. Это не тот “поединок”, когда каждый должен отстоять свое первенство. Сердца соединяются любящие, готовые жертвовать друг для друга. Они любят друг друга, соревнуются в нежности. “Борьба неравная” ? это битва двух нежных сердец. Одно из этих сердец оказывается нежнее другого, жертвеннее и потому незащищенное. Оно гибнет в первую очередь потому, что больше страдает, больше проявляет участия и больше тратит внутренних сил: “Любя, страдая, грустно млея, / Оно изноет наконец…”. Для Тютчева “поединок роковой” – это спор двух нежных, двух любящих сердец, каждое из которых мыслит отдать себя ради любимого. В такой жертвенной любви скрыт настоящий драматизм человеческих отношений, когда любовь вселяет одновременно чувства “блаженства и безнадежности”.

Любовь, по определению Тютчева, это не просто “союз души с родной душой”, “съединенье”, “сочетанье”, а существующие одновременно и сразу “слиянье” и “поединок”. У Тютчева эти два понятия получают эпитет “роковой” (“роковое слиянье”, “поединок роковой”). Эти понятия неразделимы. А раз так, то и эмоции, вызываемые любовью, противоположны, контрастны, противоречивы – любовь приносит лирическому герою и его возлюбленной радость и печаль (“Двум сестрам”), тоску и блаженство (“Из края в край, из града в град…”), “блаженство и безнадежность” (“Последняя любовь”), наслаждение и страдание (“Я очи знал, – о, эти очи!..”). Любовь дает человеку безграничное счастье и бесконечное страдание. Она несет с собой жизнь и смерть, потому одна душа, принося себя в жертву другой, истощается и умирает. Так, любовь осмысливается Тютчевым как катастрофа, позволяющая, однако, пережить невиданное и неслыханное счастье.

Вершина любовной лирики Тютчева – стихотворение “К. Б.” (“Я встретил вас – и все былое…”, посвященное женщине, которая поняла и оценила любовь Тютчева, но не связала с ним свою жизнь – баронессе Амалии Крюденер. В этом стихотворении Он, его чувства, не умолкавшие долгие годы. Здесь не важен его внешний облик – важна его внутренняя, духовная жизнь. Лирический субъект стихотворения далеко не молод. Но встреча со своей первой любовью порождает в его душе новый прилив сил, ощущение полноты жизни.

Как после вековой разлуки,
Гляжу на вас, как бы во сне, ?
И вот – слышнее стали звуки,
Не умолкавшие во мне…[4, с. 345]

Милые черты любимой заставили снова зазвучать в душе те струны, которые не умолкали долгие годы. Теперь их звуки стали слышнее, и это признак неумирающей жизни, вселенской вечности бытия, озаренного любовью. В тексте улавливаются пушкинские интонации, потому что лирический субъект у Тютчева пережил состояние, близкое пушкинскому “чудному мгновенью”.

Тут не одно воспоминанье,
Тут жизнь заговорила вновь, –
И то же в вас очарованье,
И та ж в душе моей любовь!..[4, с. 345]

И все-таки не подобные стихотворения составляют главное содержание тютчевской любовной лирики.

Если лирика природы больше, чем зарисовки и конкретно-чувственные переживания пейзажа, то и лирика любви больше, чем психологически точное запечатление любовных чувств. Она также философична и целиком вписывается в философскую лирику. Во-первых,

любовь для Тютчева – чувство, находящееся на грани "двойного бытия", оно противоречиво и находится между жизнью и смертью. Во-вторых, она подобна таким бытийным силам, как Хаос и Космос, Ночь, Бездна, потому что внутренняя жизнь человека аналогична жизни вообще: в ней есть Хаос и Космос, стихия и порядок, день и ночь, конечное и бесконечное, предел и беспредельность. Во взаимоотношениях любящих людей на другом уровне повторяются те же отношения человека со стихией.

Особое место занимают в творчестве Федора Ивановича стихи, посвященные Елене Денисьевой, потому что в них исключительно сильно изображено чувство последней, прощальной любви. Это такие стихотворения, как "О, как убийственно мы любим…", "Не раз ты слышала признанье", "Не говори: меня он, как и прежде любит…", "Предопределение", "Последняя любовь".

История их любви считается одной из самых романтических в России XIX века. Но если сдернуть флер, сотканный гениальными стихами Тютчева, явится история драматическая. История преданности, разочарования и бесконечных страданий, которые две любящие души причиняли друг другу.

"Я не знаю никого, кто был бы менее чем я, достоин любви, это всегда меня изумляло…" – говорил о себе Тютчев. Однако женщины любили его. А для тех, кто особенно сильно любил, это чувство становилось роковым.

Федор Иванович Тютчев и Елена Александровна Денисьева познакомились в конце 1840-х гг. в Смольном институте Петербурга, где учились старшие дочери Тютчева.

Елена Александровна была племянницей инспектрисы института и вполне могла бы стать подругой дочерям поэта – она была на двадцать три года моложе ее.

Денисьеву хорошо знали в семье поэта, поэтому для них не было ничего удивительного, что в августе 1850 года Тютчев вместе со старшей дочерью и Еленой Денисьевой совершил поездку в Валаамский монастырь. Взаимное увлечение мужчины почти пятидесяти лет и молоденькой девушки росло незаметно для обоих, пока наконец не вызвало с ее стороны "такую глубокую, такую самоотверженную, такую страстную и энергическую любовь, что она охватила и все его существо, и он остался навсегда ее пленником…" [3, с. 108].

Тютчев понимал, что Елена любит его гораздо сильнее, чем он ее, и эта любовь хоть и пугала его, но вместе с тем и восхищала. В одном из множества посвященных Денисьевой стихотворений он написал:

Ты любишь искренно и пламенно, а я –
Я на тебя гляжу с досадою ревнивой.
И, жалкий чародей перед волшебным миром,
Мной, созданный самим, без веры я стою –
И самого себя, краснея, сознаю
Живой души твоей безжизненным кумиром [4, с. 192]

Что бы ни происходило в жизни Тютчева, он все же возвращался к ней и оставался возле нее до самой ее смерти. Георгиевский писал: "Зная его натуру, я не думаю, чтобы он за это долгое время не увлекался кем-нибудь еще, но это были мимолетные увлечения, без всякого следа. Леля же несомненно привязала его к себе самыми крепкими узами… Только своею вполне самоотверженною, бескорыстною, безграничною, бесконечною, безраздельною и готовою на все любовью могла она приковать к себе на целых 14 лет такого увлекающегося, такого неустойчивого и порхающего с одного цветка на другой поэта, каким был Тютчев, – такою любовью, которая готова была и на всякого рода порывы и безумные крайности с совершенным попранием всякого рода светских приличий и общепринятых условий. Это была натура в высшей степени страстная, требовавшая себе всего человека, а как мог Федор Иванович стать вполне ее, "настоящим ее человеком", когда у него была своя законная жена, три взрослые дочери и подраставшие два сына и четвертая дочь" [3, с. 124].

Нет, это не была любовь с первого взгляда. Денисьева и Тютчев знакомы пять лет до того, как между ними начался роман. Но как, при каких обстоятельствах “семейное” знакомство поэта и Денисьевой перешло в роман – неизвестно. Елене было двадцать пять, Федору Ивановичу Тютчеву – сорок семь. Денисьева считалась “интересной”. Георгиевский вспоминал ее как очень стройную и изящную брюнетку ”с большими черными глазами, очень милым и выразительным, скорее худым лицом и очень хорошими манерами“ [3, с. 122]. Тютчев выглядел рано постаревшим, был полностью седым, “…о наружности своей он вообще мало заботился: волосы его были большей частью всклочены и, так сказать, брошены по ветру, но лицо было всегда гладко выбрито; в одежде своей он был очень небрежен и даже почти неряшлив; походка была действительно очень ленивая; роста был небольшого” [3, с. 123]. В общем, совсем не хорош собой, но умен, остроумен, очарователен. И по-прежнему очень влюбчив.

История последней любви Тютчева долго оставалась сугубо семейной тайной. Впервые о ней (в 1903 году) рассказал сын Тютчева и Денисьевой – Федор: “…В то время ему было уже под пятьдесят лет, но, тем не менее, он сохранил еще такую свежесть сердца и цельность чувств, такую способность к безрассудочной, не помнящей себя и слепой ко всему окружающему любви, что, читая его дышащие страстью письма и стихотворения, положительно отказываешься верить, что они вышли из-под пера не впервые полюбившего 25-летнего юноши, а пятидесятилетнего старца, сердце которого, должно бы, казалось, давным-давно устать от бесчисленного множества увлечений, через которые оно прошло. Встретив особу, о которой я говорю, Федор Иванович настолько сильно увлекается ею, что, ни на минуту не задумавшись, приносит в жертву своей любви свое весьма в то время блестящее положение. Он почти порывает с семьей, не обращает внимания на выражаемые ему двором неудовольствия, смело бравирует общественным мнением и если, в конце концов, не губит себя окончательно, то, тем не менее, навсегда портит себе весьма блистательно сложившуюся карьеру. Это увлечение, наиболее сильное во всей его жизни, оставило на ней глубокий след, выбило его, так сказать, из колеи” [3, с. 137].

Именно отношения с Е. А. Денисьевой побудили Тютчева к созданию глубочайшей по силе чувства любовной лирики. Стихотворения Федора Тютчева, отражающие историю его отношений с Еленой Денисьевой, – первый в русской поэзии гениальный цикл о свойствах страсти, о любви, которая убивает и больше похожа на поединок роковой, чем на гармонический дуэт двух очарованных сердец. Так, в стихотворении “Предопределение” поэт подвергает сомнению бытующее мнение о любви как гармоничном союзе душ. Он считает, что любовные отношения сложны и лишены безоблачности. Он и Она постоянно находятся в состоянии борьбы, но это не борьба врагов. Это своеобразное состязание в жертвенности. Каждое из любящих сердец спешит без остатка отдать другому свою нежность.

Любовь, любовь – гласит преданье –
Союз души с душой родной –
Их съединенье, сочетанье,
И роковое их слиянье,
И…поединок роковой…[4, с. 190]

Однако то сердце, которое оказывается нежнее, гибнет раньше, истратив свои внутренние силы. Отсюда диалектическая двойственность любви, дающая человеку и величайшую радость, и безмерное страдание. Давая жизнь одному любящему сердцу, другое готово принять смерть. Поэтому любовь, по Тютчеву, – это вселенская трагедия, величие которой заключается в возможности ощутить кульминацию счастья.

И чем одно из них нежнее
В борьбе неравной двух сердец,
Тем неизбежней и вернее,

Любя, страдая, грустно млея,
Оно изноет наконец…[4, с. 190]

Созвучно "Предопределению" и стихотворение "О, как убийственно мы любим…" Главное чувство "лирического я" этого стихотворения – чувство вины перед женщиной, которой его любовь принесла лишь роковые испытания. Любящая женщина для поэта безупречно чиста, но ее страсть оказывается трагической и несет ей лишь страдания. Любовь, по мнению Тютчева, слепа, как все человеческие страсти, она порождение хаоса, темных грозных стихий. Поэтому влюбленному человеку "не дано предугадать" последствий своего чувства и самые нежные отношения в определенных обстоятельствах могут обернуться катастрофой и привести к гибели, прежде всего гибели души.

По мнению биографа Г. Чулкова, "Е. А. Денисьева внесла в жизнь поэта необычайную глубину, страстность и беззаветность. И в стихах Тютчева вместе с этою любовью возникло что-то новое, открылась новая глубина, какая-то исступленная стыдливость чувства и какая-то новая, суеверная страсть, похожая на страдание и предчувствие смерти" [6, с. 97].

В стихотворениях, обращенных к Денисьевой, чувства женщины всегда оказываются незамутненнее и естественнее сердечных движений мужчины, отягощенного сознанием ее безусловного превосходства над ним и собственного угасания. Женщина находит в себе силы и для борьбы со светской толпой, которая убивает в конце концов ее живое чувство, и для борьбы за свою любовь, и для стойкости в горе. Каждый новый оттенок ее страсти вызывает в поэте нежность, любовь и беспощадное обнажение собственного несовершенства. В этой же искренности Тютчева заключен глубочайший нравственный смысл, умножающий сопереживание. Психологическая конкретность ситуаций любовного цикла сочетается в нем с эмоциями, с вещими прозрениями, выводящими его из узких сфер интимной лирики к самым сокровенным думам о человеческой душе в ее высших проявлениях и свойствах. В стихотворении "О, как убийственно мы любим…" Тютчев вновь касается того глубинного парадокса, который он открыл в стихотворении "Предопределение", – почему мы сами, по своей воле "то всего вернее губим, / Что сердцу нашему милей!.." Казалось бы, женщина не обделена любовью и нежностью со стороны мужчины, и все-таки его вина безмерна. Прошел всего год, а исчезли блеск очей, улыбка уст. "Ее волшебный взор, и речи, / И смех младенчески-живой…" Мужчина принес женщине вместе со своей любовью роковые испытания. Она была вынуждена, сама того не ожидая, вступить в поединок с судьбой. Любовь обернулась "незаслуженным позором" и привела к отречению от света, от родных, к одиночеству и замкнутости. Мораль общества была беспощадна: "Толпа, нахлынув, в грязь втоптала / То, что в душе ее цвело". Тютчев, конечно, знает, что любовь ни с его стороны, ни со стороны любимой женщины не исчезла, что виноват свет с его казенной моралью, но эта мораль оказалась примененной к его подруге вследствие того, что они полюбили друг друга. Следовательно, главным виновником он все-таки называет себя, решившегося на такую вот "беззаконную" любовь и увлекшую на эту дорогу свою возлюбленную. Горько осознавать, что его нежность принесла женщине неисчислимые страдания и вместо расцвета души у нее осталась одна "злая боль ожесточенья". Принимая ответственность на себя, Тютчев поступает в духе лучших традиций русской любовной лирики. Женщина для него остается чистым, страдающим и жертвенным существом, безоглядно отдавшим себя своей страсти.

Так, в конкретной ситуации Тютчев снова касается темы любви и смерти. Любовь снова ведет к неизбежной гибели. И этот бесчеловечный по своему смыслу парадокс углубляет наше представление о сложности жизни и вместе с тем бросает тень на те роковые обстоятельства, в которых состоялась любовь двух сердец. Вывод же Тютчева:

О, как убийственно мы любим,
Как в буйной слепоте страстей

Мы то всего вернее губим,
Что сердцу нашему милей!.. [4, с. 185] –

касается общего закона, управляющего нами, и приобретает всеобщее значение, потому то наша любовь, как и все наши страсти, изначально слепа, родственна не только гармонии, порядку, светлым, но и самым темным, грозным стихиям, и потому человек не знает, к чему может привести его любовь. Ему не дано предугадать, как отзовется его слово, скажет Тютчев в другом стихотворении. А это означает, что с возлюбленного отчасти снимается вина и перелагается на трагичность бытия в целом, на устройство мироздания, в котором все непрочно и катастрофично. При этом жертвенный подвиг любящей женщины никогда не берется под сомнение, а ее борьба со светом и с собой всегда предстает законной, достойной уважения и поклонения. Уже после смерти Денисьевой Тютчев в стихотворении “Есть и в моем страдальческом застое…” просил у Бога вернуть его к жизни, рассеять “мертвенность” его пути и оставить ему “живую муку” – “муку воспоминанья”:

По ней, по ней, свой подвиг совершившей
Весь до конца в отчаянной борьбе,
Так пламенно, так горячо любившей
Наперекор и людям и судьбе, –

По ней, по ней, судьбы не одолевшей,
Но и себя не давшей победить,
По ней, по ней, так до конца умевшей
Страдать, молиться, верить и любить [4, с. 208].

Таким образом, любовь, по Тютчеву, – это почти всегда трагедия, ведущая к безнадежности и смерти, но именно она дает человеку величайший душевный взлет, ощущение счастья.

“Денисьевский цикл” ? это тютчевский психологический “роман в стихах” – имеет свое начало, свою кульминацию и развязку, свой острейший внутренний конфликт – это и конфликт любящих, их “борьба неравная”, и столкновение истинного, хотя и “беззаконного” чувства с лицемерной моралью “толпы”. Определение “роман в стихах” вполне приемлемо для этого цикла в силу его определенной замкнутости, сюжетной законченности отдельных частей. Одно из первых стихотворений – “Не раз ты слышала признанье…” (1851) – уже говорит о характерах людей, об их отношениях, о жизненной ситуации. В первой строфе автор передает ощущение своей ничтожности перед любовью, которую он сам и вызвал. Возникает следующая строка: “Не истою я любви твоей…”. Вторая, третья и четвертая строфы являются пояснением к первой. В них объясняется, почему же беден лирический герой в сравнении с любовью героини:

Когда, порой, так умиленно,
С такою верой и мольбой
Невольно клонишь ты колено
Пред колыбелью дорогой,

Где спит она – твое рожденье –
Твой безымянный херувим, –
Пойми ж и ты мое смиренье
Пред сердцем любящим твоим [4, с. 188].

В мироощущении Тютчева высшим проявлением любви можно считать любовь материнскую. Такая любовь осознается как прибежище, где свет и покой. Это восторг и преклонение перед

живой прелестью души. В тютчевских стихах о любви очень часто присутствует момент духовности, который облагораживает физическую красоту человека. Тютчев в своей любовной лирике возвышает женщину, делает ее носительницей прекрасных качеств.

В стихотворении "О, не тревожь меня укорой справедливой!" (1851–1852) тема любви раскрывается через противопоставление образа героини авторскому "я" поэта. Выделяется два семантических центра: "ты" и "я":

Поверь, из нас из двух завидней часть твоя:

Ты любишь искренно и пламенно, а я –

Я на тебя гляжу с досадою ревнивой [4, с. 192].

Искренность и живое, естественное чувство героини противопоставлено созданному, хотя и волшебному миру лирического героя.

"Ты" и "я" связаны любовью, они составляют одно целое, хотя и непохожи друг на друга. Любовь у Тютчева – это борьба и это страсть. Неравность отношений определяется, по Тютчеву, не волей одного человека и даже не волей двоих, а их общей судьбой. Осознание вины перед любимой женщиной – это искреннее, горячее раскаяние, художественно осмысленное состояние души. Известно, что после смерти горячо любимой женщины поэт снова и снова переживал чувство вины, тем более острое, что ничего исправить уже было нельзя. Страдал он неимоверно. Из дневника его дочери Анны: "Елена Денисьева умерла. Я увиделась снова с отцом в Германии. Он был в состоянии, близком к помешательству. Какие дни нравственной пытки я пережила! Потом я встретилась с ним снова в Ницце, когда он был менее возбужден, но все еще повергнут в ту же мучительную скорбь, в то же отчаяние утраты земных радостей, без малейшего проблеска стремления к чему бы то ни было небесному. Он всеми силами души был прикован к той земной страсти, предмета которой не стало. И это горе, все увеличиваясь, переходило в отчаяние, которое было недоступно утешениям религии и доводило его, по природе нежного и справедливого, до раздражения, колкостей и несправедливости в отношении к его жене и ко всем нам. Я видела, что моя младшая сестра, которая теперь при нем, ужасно страдала. Сколько воспоминаний и тяжелых впечатлений прошлого воскресло во мне. Я чувствовала себя охваченною безысходным страданием. Я не могла больше верить, что Бог придет на помощь его душе, жизнь которой была растрачена в земной и незаконной страсти" [3, с. 145].

О том, что Анна Тютчева-Аксакова не преувеличивает, свидетельствуют воспоминания Афанасия Фета: "В первом часу ночи, возвращаясь в гостиницу Кроассана, я, вместе с ключом от номера, получил от швейцара записку. Зажигая свечу на ночном столике, я, при мысли сладко задремать над французским романом, намерен был предварительно, уже лежа в постели, прочесть записку, которую мне принесли. Раскрываю и читаю: "Тютчев просит тебя, если можно, прийти с ним проститься". Конечно, я через минуту был снова одет и полетел на призыв. Безмолвно пожав руку, Тютчев пригласил меня сесть рядом с диваном… на котором он полулежал. Должно быть, его лихорадило и знобило в теплой комнате от рыданий, так как он весь покрыт был с головою темно-серым пледом, из-под которого виднелось только одно изнемогающее лицо. Говорить в такое время нечего. Через несколько минут я пожал ему руку и тихо вышел" [3, с. 163]

"Вот что позднее рассказывал И. С. Тургенев о своем свидании с Тютчевым в Париже: "Когда Тютчев вернулся из Ниццы, где написал свое известное: "О, этот Юг, о, эта Ницца!.." – мы, чтобы переговорить, зашли в кафе на бульваре и, спросив себе из приличия мороженого, сели под трельяжем из плюща. Я молчал все время, а Тютчев болезненным голосом говорил, и грудь его сорочки под конец рассказа оказалась промокшей от падавших на нее слез" [3, с. 239].

"Весь день она лежала в забытьи…". Стихотворение посвящено воспоминанию о последних часах жизни Е. А. Денисьевой. Ее уже нет в живых, но память о ней жива в душе поэта. Он вспоминает ее последние мгновения – им посвящены строки послания к так рано ушедшей

любимой им женщины. Год тому назад она умерла от чахотки. Скорбь не состояние. Стихи поэта словно обращены к самому себе: “Я был при ней убитый, но живой”. Странное, непередаваемо скорбное состояние. Глобально философски значима тютчевская антиномия: Ночь – День, Вера – Безверие, Жизнь – Смерть. Величие поэтической души, в которой смерть не в силах изгладить вечно там живущие черты, весь облик “вечной возлюбленной”. Трагедия поднимается до вершин всечеловеческого масштаба. В стихах Тютчева любовь и смерть становятся достоянием такого вселенского смысла:

Любила ты, и так, как ты, любить –
Нет, никому еще не удавалось!
О Господи!.. И это пережить…
И сердце на клочки не разорвалось…[4, с. 206]

Только спустя год поэту наконец удалось взяться за перо, до этого не было сил писать. Происходит космический круговорот: жизнь и смерть рождаются в глубинах земли, становятся достоянием людским – и уходят вместе. Но память о чистом и светлом человеке навсегда остается в душе. “О, как все это я любила” – и в этом скрыта вся жизнь Елены Александровны Денисьевой. Так достигается единство личного и космического (К. Пигарев, Н. Берков, В. Кожинов). Строй и развитие лирического переживания сопряжены с выразительными признаками поэтики Тютчева. В лирическом движении сочетаются жизненные, объективные приметы реальности. *Лил теплый дождь*, *струи по листьям весело звучали*, *начала прислушиваться к шуму*, *беседуя с собой*, *ее уже тени покрывали*. Льющийся дождь видится поэтом сквозь образ уходящей из жизни женщины.

Сегодня, друг, пятнадцать лет минуло
С того блаженно-рокового дня,
Как душу всю свою она вдохнула,
Как всю себя перелила в меня.

И вот уж год, без жалоб, без упреку,
Утратив все, приветствую судьбу…
Быть до конца так страшно одиноку.
Как буду одинок в своем гробу [4, с. 209].

Стихотворение написано в 1865 году. В нем заключено посмертное воспоминание Тютчева о первой встрече его с Денисьевой. В восьми строках элегии сквозь поэтическое сознание точно воспроизводятся реальные обстоятельства былой жизни возлюбленных. Ровно “пятнадцать лет минуло” с тех пор, как увидел он свою возлюбленную, и минул год, как ее не стало. Такова материальная основа лирического переживания, предопределяющая будущее одиночество поэта: “Быть до конца так страшно одиноку…”.

Нежной и преданной возлюбленной не стало, но она по-прежнему в сердце поэта; и цикл стихов, ей посвященных и тайно носящих ее имя, имеет продолжение.

Поэт избирает форму послания-обращения, строки очень искренни и чувствуется драматизм в открытости диалога. С Е. А. Денисьевой связаны самые светлые мгновения в жизни, память о них – это исповедь страдающего человека, исповедь самому себе и миру людскому. Сам момент встречи обозначен “блаженно-роковой день”. Чувство лирического героя глубже и сложнее воспоминания; любовь реальна и неизбывна, его чувство живет.

Много написано о том, что великий Тютчев не был однолюбом, мог любить с равной силой двух женщин одновременно. Бесспорно, лирическое признание Тютчева – вершина мировой поэзии. Такого проникновенного, трепетного, психологически правдивого образа

молодой женщины не было и, наверное, не будет в литературе, в истории культуры. Бросив вызов обществу, скромная и решительная героиня сумела одержать победу. Но силы ее были не беспредельны, и она погибла в этой неравной борьбе.

"Денисьевский цикл" Тютчева стал нерукотворным памятником его возлюбленной. Она, подобно Беатриче Данте или Лауре Петрарки, обрела бессмертие. Теперь эти стихи существуют отдельно от трагической истории любви, но вершиной мировой любовной лирики они стали потому, что их питала живая жизнь.

Литература

1. Пигарев К. В. Ф. И. Тютчев и его время / К. В. Пигарев. – М. : Наука, 1978. – С. 159.
2. Тютчев Ф. Письма: В 2 т. / Ф. Тютчев. – М., 1980. – Т. 2. – 351 с.
3. Тютчев Ф. И. Стихотворения. Письма. Воспоминания современников / Сост. Л. Н. Кузина, К. В. Пигарев. – М., 1988. – 512 с.
4. Тютчев Ф. Лирика / Федор Тютчев. – М.: Эксмо, 2009. – 381 с.
5. Тютчев Ф. И. Энциклопедический словарь / Сост. Г. В. Чагин. – М. : Просвещение, 2004. – 439 с.
6. Чулков Г. Федор Иванович Тютчев / Г. Чулков. – М. : Просвещение, 1992. – 312 с.